

Май, Сокольников. Выставочный «ангар» в глубине парка — огромный, мрачный, уютный. В углах вещи внавалку. И везде — кучкуются, копошатся, что-то делают люди. Голоса гулко резонируют в переплетении потолочных труб — вавилонское смешение английской, русской, литовской речи... Здесь Питер Шуманн, создатель и руководитель американского театра «Брэд энд паппет» («Хлеб и кукла»), со своими актерами и командой наших «волонтеров» репетирует спектакль «Восстание зверя».

ВОЛОНТЕРЫ

«БРЭД ЭНД ПАППЕТ»... Театр протеста и театр мифа. Театр улицы и дороги. Он уникален. По образу и подобию средневековых гистрионов его актеры и куклы годами странствуют по городам и весям: обе Америки, Европа, Африка, Азия... У них нет своего театрального здания, зато есть «штаб-квартира» и потрясающий кукольный музей на семейной ферме Шуманнов, что близ маленького городка Гловер в штате Вермонт. Обитатели фермы репетируют новые спектакли, пекут ароматный хлеб, варят кленовый сироп... А в августе окрестности Гловера превращаются в огромный театр под открытым небом.

Театр этот существует уже около тридцати лет, с успехом объехал весь мир. О нем написаны книги на разных языках, его спектакли вошли в учебники по истории театра XX века, но нашим зрителям он долгое время не был известен. Лишь полтора года назад театру Шуманна удалось впервые «прорваться» в Союз с тремя камерными спектаклями.

Тогда-то, в 1988-м, Шуманн и обмолвился впервые о том, что в следующий раз хотел бы показать у нас какой-нибудь «большой» спектакль, набрав актеров-добровольцев прямо на месте (как это он обычно практикует везде)... И вот — Сокольников-90: с помощью Театра Дружбы народов «Брэд энд паппет» снова в Москве. В его афише — «Восстание зверя»: притча о Человечестве — безумном тиране, вершащем насилие над Природой, безжалостно убивающем своих прекрасных и беззащитных собратьев по этому миру.

Семь американцев да ансамбль народной музыки Д. Покровского — вот и все наши профессиональные силы. Остальные — человек шестьдесят (и я в том числе) — добровольцы, многие из которых никогда прежде «не нюхали» сцены. Одни приехали специально — из Ленинграда, Литвы. Другие пришли случайно, что называется «с улицы», — студенты, школь-

ники, журналист, педагог, археолог... Есть тут и актеры, но они очутились в равном положении с дилетантами — их опыт психологического театра в «Восстании зверя» не годится. Экологические проблемы отлиты в нем в мифологические, сказочные образы, символы, знаки. И почти отсутствует текст. Только музыка, танец, говорящий жест, ритм движений множества людей, кукол, масок.

...Репетиция в разгаре. Все поделены на группы во главе с кем-нибудь из американцев. Снаружи долетают топот ног и ритмичные выкрики — это улыбочный крепкий Брэд «гоняет» своих флагоносцев и «скалетов». Из дальнего конца павильона звучит странная гипнотическая музыка, и кружатся в медленном танце фигуры — там сам Питер Шуманн репетирует с целым выводком «коз» — главными героями нашего спектакля. Рядом, под присмотром смуглого, похожего на Дастина Хоффмана Майкла звонко рубятся на саблях «воины». А наша группа — взрослые и малыши — «Лес»: деревья, птицы, тигры... У каждого должна быть своя пластика, свой танец. Наш «куратор» — совсем юный, грациозный «обаяшка» Джон — тут же показывает: то лягушонка, то шимпанзе, то дракона.

Часто говоря, до сих пор не понимаю, как можно всего за три-четыре дня собрать из неопытной, разношерстной толпы большое театральное зрелище. Тем более из НАШЕЙ толпы. Право же, лишний раз убеждаешься в том, что разговоры о нашем неумении работать — терпеливо, сосредоточенно, старательно — совсем не «вражеская клевета», а грустная истина. Бесконечные опоздания, перакуры, тусовки вместо работы... И это при том, что выдержке и терпению Шуманна можно только подивиться — за всю неделю он даже ни разу не помыслил на нас голоса.

А ведь причин для нервозности и без нас хватало — вокруг цвел мажорным цветом привычный «совковый» абсурд. Перед спектаклями Питер хотел печь хлеб для зрителей (одна из самых старых и поразительных традиций этого театра), но пожарные сказали «нет», хотя на местных шашлычников запрет почему-то не распространялся. Администра-

ция парка регулярно устраивала скандалы, грозя опечатать помещение, зато добросрочно у нее элементарной помощи было трудно. Мечта наивного Джона — уборочная машина — после долгих переговоров явилась таки в наш «ангар» в образе трех дородных гражданок с метлами. А подъемник приехал лишь после того, как отчаявшийся Майкл уже успел, балансируя под потолком на шаткой «самопальной» лестнице, смонтировать все механизмы для огромной куклы — «Божество». Одним словом, работа эта напоминала скорее экзавен на выносливость. Но был и праздник. Начался он, когда наконец прибыли куклы.

Куклы и маски скульптора Питера Шуманна — кто хоть раз видел их, уже не сможет их забыть! Маленькие, гигантские и в человеческий рост — все они остроумно просты и фантастически экспрессивны, исполнены какой-то странной, притягивающей магии. И волонтеры, в первые минуты бовышися к ним даже прикоснуться, вдруг осмелев, как дети, с восторженными воплями кинулись их примерять — пучеглазых изумрудных лягушек, канареечных тигров, ало-розовых птиц, расписанных цветами... Но вдруг гомон смолк, все оглянулись: в вечерующем свете пустого павильона, задумчиво покачивая тяжелыми рогатыми мордами, беззвучно кружилась в небывалом мануэте козья пара. И было в этом видении нечто колдовское, ирреальное, 49

ВОТ ЭТО ГАСТРОЛИ!

И для меня с этого мига спектакль начал оживать, обретать цельность, плоть, поэзию. История, придуманная Шуманном, рассказывала себя серебряным звоном колокольчиков в руках актеров в белоснежных одеждах — с их плеч добро улыбались лошадиные и коровьи морды. Она оживала в тяжелой поступи огромных драконов, принисивших козым семьям долгожданных первенцев, — и под ликующую величальную в честь новорожденных пускалось в пляс все лесное царство... Пока пылающий меч в руках зловещего черного ратника не перечеркнул все надежды: под карнающие команды чиновников лес ронял наземь свои яркие карнавальные облачения, развоплощался, чтобы стать серо-черной марширующей безликой толпой. Равнодушными мясниками-убийцами, вырывающими детей из материнских рук...

А потом, в финале, Божество-Земля, возникнув перед потрясенными людьми, смотрело вниз, на своих неразумных, жестоких детей и, стиснув их в могучих объятиях, легко отшвыривало, как слепых котят, — заставляя понять, сколь беспомощны они без нее...

Этот спектакль многие пытались сравнить с прошлыми гастролями «Брэд энд паппет» по принципу «лучше — хуже». Честно говоря, думаю, что это не очень верно. Ведь полсотни любителей за несколько репетиций все равно не добьются отточенного блеска и слаженности маленького профессионального коллектива. Тогда, при первом знакомстве, театр Шуманна продемонстрировал чистое искусство, уровень мастерства. «Восстание зверя», оставаясь произведением искусства, как мне кажется, в не меньшей степени является и своего рода «акцией», поступком, духовным опытом.

В самом Шуманне, душе и лидере «Брэд энд паппет», сильный, оригинальный режиссерский талант сочетается с редкой человеческой притягательностью — порядочности, доброты, естественности, какой-то уютной надежности. А вокруг него собираются люди под стать ему. И все они могут сказать о себе строчкой из крохотного скетча, игравшегося перед «Зверем»: «Мы верим в то, что мы построили!». Наверное, еще и поэтому к ним так тянет нас, оглядывающихся сегодня на то, что мы построили, с растерянностью и ужасом...

Проводы на Казанском вокзале: «Брэд энд паппет» ехал в Томск — впереди у них были новые репетиции и новые «добровольцы».

Екатерина ОСПИННИКОВА.
Фото А. Колмыкова.